
ЖАНРОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-137-147

К. С. Поздняков¹

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Самара, Россия)*

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ РОМАНА БОРИСА ПЕРЕЛЕШИНА «ЗАГОВОР МУРМАН-ПАМИР»

В статье анализируется поэтика романа Бориса Перелешина «Заговор Мурман-Памир» (1924). Произведение рассматривается как яркий эксперимент двадцатых годов XX века, к сожалению, ныне забытый. Работая в жанровых границах детективного, приключенческого повествования, Перелешин использовал в рамках этого произведения откровенно модернистские приёмы, которые, как правило, в текстах подобного рода не встречаются.

В статье рассматриваются именно те приёмы и образы, использованные и сконструированные автором, которые позволили превратить историю о расследовании советскими сыщиками контрреволюционного заговора в сложный модернистский роман, аналогов которому в отечественной литературе не существует.

Ключевые слова: Борис Перелешин, ассоциативный фрагмент, каламбур, материализация метафоры, модернизм, речевой жанр

K. S. Pozdnyakov

*Samara National Research University named after
academician S. P. Korolev (Samara, Russia)*

FEATURES OF THE POETICS OF BORIS PERELESHIN'S NOVEL «THE MURMAN-PAMIR CONSPIRACY»

The article analyzes the poetics of Boris Pereleshin's novel "The Murman-Pamir Conspiracy" (1924). The work is a bright experiment of the 1920s, unfortunately, now forgotten.

¹ Константин Сергеевич Поздняков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева (Самара, Россия). E-mail: kopozdnyakov@yandex.ru.

Working within the genre boundaries of detective, adventure narrative, B. Pereleshin used in this work frankly modernist techniques, which, as a rule, are not found in texts of this kind.

The article examines precisely those techniques and images used and constructed by the author, which allowed turning the story of the investigation of a counter-revolutionary conspiracy by Soviet detectives into a complex modernist novel, which has no analogues in Russian literature.

Keywords: Boris Pereleshin, associative fragment, pun, materialization of metaphor, modernism, speech genre

Ю. К. Щеглов, перечисляя источники сюжетного поворота, связанного с «Союзом Меча и Орала» (от «Сердца трёх» Д. Лондона до «Жизнеописания С. А. Лососинова» С. Заяицкого (1926) и «Хулио Хуренито» И. Эренбурга [Щеглов, 2017, с. 183–184], не указывает на куда более близкий и, без сомнения, известный И. Ильфу и Е. Петрову текст, включающий историю разоблачения тайного заговора против Советской России. Речь идёт о романе сотрудника «Гудка» Бориса Перелешина «Заговор Мурман-Памир». Произведение впервые было опубликовано в нескольких номерах журнала «Борьба миров» в 1924 году, а переиздано отдельной книгой только в 2013-м, в серии «Мир приключений». По крайней мере, один из соавторов, И. Ильф, не мог не знать о романе, поскольку о самом Перелешине отзывался следующим образом: «Перелешин, гений-самоучка, одиночка» [Петров, 2001, с. 103]. Нельзя не вспомнить и Перелешинский переулочек из «12 стульев» [Ильф и Петров, 2006, с. 93] – очевидную отсылку к творчеству коллеги (кстати, именно в этом переулочке и рождается на свет Союз меча и орала). Несмотря на известную склонность Ильфа к иронии в отношении других литераторов и на атмосферу постоянных, как бы сейчас сказали, перформансов, сложившуюся в редакции газеты «Гудок», стоит отметить явную симпатию Ильи Арнольдовича к своему сослуживцу. К сожалению, жизнь Б. Перелешина закончилась трагически: в 1938 году он был расстрелян теми самыми чекистами, которых он воспел в своём единственном романе [Расстрельные списки: Москва, 1937–1941: «Коммунарка», Бутово, 2019].

В литературе Ильф и Перелешин прошли схожий путь, как, впрочем, и многие в их литературном кругу (В. П. Катаев, Ю. К. Олеша): начиная с лирики через фельетоны, очерки, переходя к эпической форме, роману. Другое дело, что прозу Ильфа (самостоятельную) и первый и единственный напечатанный роман Перелешина роднит интересное сочетание черт модернизма и реализма. Очевиден интерес обоих сотрудников «Гудка» к экспрессионизму [Терёхина, 2001, с. 1223]: в 1921 г. Борис Перелешин участвует

в сборнике «А: Альманах экспрессионистов» [Никиенко, 2018]; на откровенно кафкианские образы в сатирических произведениях И. Ильфа и Е. Петрова указывает Я. С. Лурье [Лурье, 2005]. На значимость экспрессионистской/модернистской поэтики для их литературного круга указывает ещё один упомянутый сотрудник «Гудка», Ю. Олеша, в дневниковых записях, изданных В. Б. Шкловским под названием «Ни дня без строчки» [Олеша, 2013, с. 448–449; 2018].

В случае Перелешина значимо и то, что писатель сознательно создаёт жанровую вещь: детективный и одновременно приключенческий роман, в котором, как правило, игры с языком, речевыми жанрами [Бахтин, 2004, https://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm] не предполагаются. Тем любопытнее выглядит дебютный эксперимент Перелешина в прозе. Очевиден поиск оригинального художественного высказывания [Саморукова, 2002, с. 35], который, как и писатели его круга, вёл Борис Перелешин. Остановимся на наиболее значимых чертах поэтики романа «Заговор Мурман-Памир».

Нужно сказать, что главу «Союз Меча и Орала» можно рассматривать как своеобразное пародийное переосмысление основной фабулы романа Перелешина. В «Заговоре Мурман-Памир» тайная организация не воспринимается чекистами всерьёз, главные герои вынуждены доказывать факт её существования. Изначально руководство ГПУ поднимает на смех саму идею подобной организации. В «Союзе...» Бендер наоборот: убеждает собравшихся в серьёзности намерений, хотя на самом деле никакого союза не существует.

В жанровом отношении роман Бориса Перелешина, помимо, собственно, приключенческой линии (которую, впрочем, вполне можно сравнить и с современными боевиками) включает и элементы детектива, и шпионского романа. Но в случае с произведением «Заговор Мурман-Памир», как и в связи с «Зелёным фургоном» А. Козачинского [Козачинский, 1990, с. 105–170], важно не столько содержание, сюжет, сколько форма, то, как подаётся детективное повествование.

Рассматривая особенности поэтики романа «Заговор Мурман-Памир», можно предложить тезис: перед нами экспериментальный советский детектив, вобравший в себя в равной степени, как черты реализма, так и модернизма.

Фабула, которая впоследствии ляжет в основу многих советских детективов, – разоблачение (раскрытие) вредительской/шпионской организации на территории Советской России, тоже не представляется ходульной, поскольку автор сумел украсить её весьма нетривиальными ходами, сюжетными поворотами.

1. *Необычность заговора*

Изначально Мурман-Памирская подпольная организация кажется чекистам каким-то бредом. Потом, когда за дело берутся товарищи Бурундуков, Файн и Точный, становится ясно, что заговор действительно существует, а мурман-памирцы покушаются на сам Кремль, который собираются уничтожить с помощью особого яда: «Но стены кремлевского дворца будут покрыты слоями яда. В назначенный час по электрическому разряду начнется действие яда. Дворец в три минуты развалится, растворится в воздухе в виде газового фонтана (...) ... Сразу же по индукции растворятся здания некоторых советских учреждений, в которых стены также будут штукатурены с примесью два икс. Из укрытого убежища, огражденного выжженным кольцом, мы издаем приказ о непоявлении на улицах. Нарушение карается струей яда в целые кварталы. Потом вызываются нужные люди, преданные монархисты, создается правительство, вызывается государь. Манифест. Мы все время в тени. Свое негласное правительство» [Перелешин, 2013].

Проект мурман-памирцев, с одной стороны, похож на мечты тех же членов «Союза меча и орала», заранее распределявших места в городской управе, при этом главные руководители остаются, наподобие Бендера, в тени, давая «преданным монархистам» делить добычу. С другой стороны, авторская ирония заключается в том, что одну диктатуру сменяет другая. На смену красному террору приходит террор монархистов, мурман-памирцев.

В дальнейшем монологе участник заговора, мичман, рассказывает Файну, работающему под прикрытием, что и военные корабли можно будет ликвидировать с помощью этого яда, якобы изобретённого гением по фамилии Берендеев. Стоит отметить, что роман Б. Перелешина вышел в 1924 году, до появления «Гиперболоида инженера Гарина» А. Н. Толстого и уж тем более до откровенно безумных фантазий Ник. Шпанова в романе «Война невидимок».

Главный сюжетный поворот в романе Перелешина заключается в том, что в финале Берендеев оказывается безумцем наподобие будущего героя повести Ильфа и Петрова «Светлая личность» Бабского [Ильф и Петров, 2005, с. 17]: его изобретения совершенно неприменимы для задуманной организацией террора. Избегает автор и обыкновенного финала с арестом загадочной НВ и неуловимого агента по прозвищу Мирес. В конце повести читатель лишь слышит радиосводку об установлении советской власти в Ташкенте, куда бежали упомянутые выше заговорщики, а над мурманской радиостанцией

гордо реет красный стяг. (Однако сцена ареста нескольких членов банды предвосхищает аналогичную сцену из «Зелёного фургона» А. Козачинского).

2. *Образы сыщиков или следователей*

Положительные герои романа весьма необычны. Мысли двух чекистов, Файна и Бурундукова, противопоставлены. Более наивный Бурундуков мыслит ассоциативными фрагментами: «Чорт те что... Как бросает. Но куда я поеду. И не то будет. Придет время, к неграм куда-нибудь понесет, в Африку, а потом сразу к эскимосам» [Перелешин, 2013]. Таким образом, в воображении Бурундукова мелкое путешествие превращается в глобальное, вокруг света: от Африки до крайнего Севера.

Файн – «немножечко поэт», посему и мысли его ритмизованы: «Трижды, четырежды опояшу земной шар стальным поясом, бросил пламя на севере и на юге... Что за чорт?» [Перелешин, 2013]. Но опять, как и в случае с Бурундуковым, прослеживается указание на путешествие, только уже кругосветное. Характерно, что мысли одного начинаются упоминанием чорта, а другого заканчиваются им же. Сложно представить детектив или шпионский роман, где мысли протагонистов были бы представлены подобным образом, напоминающим модернистский «поток сознания».

Товарищ Точный же склонен к языковым играм, а хороший каламбур всегда поднимает ему настроение. Несмотря на то, что сыщики выполняют свою работу, от традиционного оформления их рассуждений о расследуемом деле автор решительно отказывается, очевидно, желая показать, что это новый тип человека, и мыслит он, соответственно, по-новому, в духе модернизма.

Впрочем, есть и куда более традиционный образ а-ля Шерлок Холмс. Это агент уголовного розыска, покуривающий, как и знаменитый сыщик с Бейкер-стрит, трубочку. Правда, в его образ Перелешин добавляет семы «машинных людей», и, в конечном итоге, персонаж напоминает и Володю Макарова (Ю. Олеша «Зависть»), и будущих персонажей А. Платонова, поскольку вместо преступного мира Лондона он разбирается в автомобильном мире Москвы: «Незаменимость его заключалась в том, что он знал все автомобили в Москве наперечет, по №№ и по внешнему виду, даже по отдельным частям. Часто сидя в одной из имеющих отношение к розыску комнатках по Тверской, человек, закрыв глаза, вслушивался в уличный шум, различал знакомые машины, знал, во сколько, приблизительно, часов должна пройти та или другая, знал часто кто, куда и зачем едет» [Перелешин, 2013].

Впрочем, кое-какие черты Холмса автор делегирует одному из главных антагонистов, зловещему Миресу. Как мы помним, Шерлок был мастером перевоплощений. Мирес же, не только обладатель нескольких имён, но и постоянно преследующий чекистов оборотень, виртуозно меняющий образы. В конце концов, он сам перечисляет исполненные им роли:

«– Лучше поздно, чем никогда! Разрешите представиться: Ташкент-Перовск на аэроплане, товарищ Бенор, агент Всероссийской Чрезвычайной.

(Человечек сделал лицо до иллюзии похожим на Бенора).

– Перовск-Бер-Гогур – уполномоченный по формированию китайских отрядов, красной армии генштаба Сюпань (новая физиономия).

– Старший кондуктор бригады скорого поезда №4 на участке Актюбинск-Оренбург.

– Киргиз, владелец арбы, близ Бузулука» [Перелешин, 2013].

Отмечается, что Мирес – наркоман, а учитывая его постоянное путешествие под разными масками, получается интересная материализация метафоры, когда трип наркозависимого становится реальным путешествием/приключением. Подобный приём предвосхищает эксперименты московских концептуалистов в конце XX столетия, Борис Перелешин вновь существенно опережает время. Таким образом, антагонист тоже весьма необычен. «Рыжая шапка волос» завершает портрет типичного трикстера, склонного к перманентной трансгрессии.

3. *Роковая женщина*

Образ роковой женщины, прославившийся и закрепившийся в литературе прежде всего благодаря классическому готическому роману рубежа XVIII–XIX вв., как известно, к концу XIX века перешёл в детективы, а позже в триллеры и прочую массовую литературу [Лурье, 2012]. Детективную интригу в романе Перелешина в том числе обеспечивает и загадочная роковая женщина двадцатых годов XX века, Наталья Владимировна, часто сокращаемая в тексте до НВ. Героине не только удаётся оставаться в тени, постоянно уходя от чекистов, но и с лёгкостью манипулировать членами тайной организации, что вызывает прагматичный комментарий Файна: «Какая-то баба вертит этими лишенными всякой воли людьми» [Перелешин, 2013].

Её жестокость и методичность, характерные для любой *femme fatale*, проявляются и в следующем фрагменте: ««чит. 18/V». Как вам понравится, получив такое искреннее и даже отчаянное письмо, женщина кладет на нем методическую, словно на входящей бумажке, отметку: «читала, 18 мая». Как

еще не приписала «дело №»)» [Перелешин, 2013]. Интуитивная догадка Файна находит подтверждение в финале, благодаря рассказам Точного, внедрившегося в банду и умудрившегося сохранить там позиции, несмотря на разоблачение (предвосхищает аналогичный эпизод романа «Эра милосердия» братьев Вайнеров): «Затем состоялся разговор у меня с Н. В. такого рода.

– Я знаю, что вы из Чрезвычайной, но никому об этом не скажу. Имейте в виду, что я тайно ваша. Я сама в Чрезвычайной работала.

И точно, я припоминаю, что так или иначе, а когда-то ее лицо у нас в Чрезвычайной мелькало» [Перелешин, 2013].

Итак, перед нами ещё одна тайна, которая не будет раскрыта. Да и поможет ли Точный роковой женщине НВ? Ответ и на этот вопрос роман не даёт. Стоит отметить, что впоследствии, в уже упомянутом соцреалистическом приключенческом романе Ник. Шпанова «Война невидимок» будет фигурировать боцман Мейниш – глубоко законспирированный агент советской разведки, запутавшийся в определении, кто перед ним – враг или соратник [Шпанов, 2019, с. 145]. Путаница с идентификацией таинственной НВ как будто предвосхищает эту несколько комичную фигуру шаблонного соцреалистического романа Шпанова.

4. *Специфика художественного высказывания*

Предвосхищая советские детективные и шпионские романы, выстраивая интригу в последовательности: информация про заговор – расследование – путешествие – внедрение в банду – раскрытие организации и арест отдельных членов группировки, Борис Перелешин одновременно сосредотачивается на письме, на тексте.

Остросюжетность образуется за счёт следующих предложений: «он она. Теперь осторожней. Перебежала Тверскую. По Тверской. Забежала в подъезд. Дом №! Вбежала по лестнице. Пока звонилась, мимо наверх, скача через несколько ступенек, кто-то пронесся. Дверь захлопнулась за Дорой Яковлевной» [Перелешин, 2013]. Ритмичная фраза соответствует движениям персонажей, создавая напряжённую атмосферу.

Все герои обладают уникальными речевыми характеристиками. Вот, например, яркая речь одного из наиболее фантастических героев, автобандита Лёвки, выдержанная в духе персонажей М. Зощенко:

«– Ох, эта мне знаменитость! Вот она мне, где сидит! Главное, сам в себе сознаю: обнаглел чересчур. На какой, скажите, предмет, останавливать днем

машину у церкви и подходить ко кресту. Ну разве это тактика? И нужен мне этот крест, да ну его к... Сам все понимаю» [Перелешин, 2013].

Впрочем, следователи, агенты ЧК тоже мгновенно овладевают речевым жанром любого собеседника:

«Сидя в углу, он (крестьянин. – К.П.) продолжал закручивать сигарку, лицо не дрогнуло, так же неспешно, как и агент, он ответил:

– А кто по нашим местам ходит, свидетелей за собой не водит. Человек штука легкая, что твоя пушинка. На ладонь положу, да подую, а там кто хочет пяль зенки. Ветром надуло, ветром и сдуло. Тебе кого надоть, ищи на проселке с ветром

Агент в тон ему сказал:

– А бывает и по-другому. Медведь идет, где хребтом зацепит, сук ломит, лапой встанет, а на снегу коготь лижет, может, и к тебе на двор закатывал» [Перелешин, 2013].

Находится место и стилизации под фольклор, напоминая о похожих экспериментах Л. Леонова [Леонов, 1981, с. 184]:

«Скачет, скачет Арома-Телле, горный дух, охотится. Ростом десять старых сосен, собаки каждая с быка величиною. Гонится за оленем. Олень бел, голова черная, золотые рога» [Перелешин, 2013].

Наконец, обилие метонимий и метафор делают язык этой повести крайне сложным, особенно поэтичным.

Имитируя, а вернее изобретая на ходу жанр советского детектива, Перелешин остаётся настоящим поэтом. Советские писатели в будущем, за редким исключением в лице Козачинского, избавились от перелешинского красно-речия, модернистских вставок, оставив лишь оголённую фабулу: успешную борьбу следователя (-ей) с бандитами или шпионскими организациями. Тем значимей на фоне бесконечных и однообразных советских детективных и приключенческих романов выглядит один из самых первых и удачных экспериментов Бориса Перелешина в этом, казалось бы, неподходящем для модернизма жанре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бахтин, М.** Проблема речевых жанров / М. Бахтин // Poetica. – 2004. – URL: https://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (23.12.2024).

2. **Ильф, И.** Двенадцать стульев / И. Ильф, Е.Петров. – Москва: Текст, 2006. – 414 с.
3. **Ильф, И.** Светлая личность / И. Ильф, Е. Петров. 1001 день, или Новая Шахерзада. – Москва: Текст, 2005. – 397 с.
4. **Козачинский, А.** Зелёный фургон / А. Козачинский // Макаров И. Рейд «Чёрного жука»; Козачинский А. Зелёный фургон; Ким Р. Агент особого назначения. – Москва: Изд-во МПИ, 1990. – 448 с.
5. **Леонов, Л.** Петушихинский пролом / Л. Леонов. Собрание сочинений. Т. 1. Повести и рассказы. – Москва: Художественная литература, 1981. – 502 с.
6. **Лурье, З.** История формирования образа «Роковой женщины» во французской культуре XIX в. / З. Лурье // CyberLeninka. – 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-obrazarokovoy-zhenschiny-vo-frantsuzskoy-kulture-xix-v> (25.12.2024).
7. **Лурье, Я.** В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове / Я. Лурье // Электронная библиотека RoyalLib.com. – 2005. [Электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (24.12.2024).
8. **Никиенко, О.** Классик русского авангарда Борис Перелешин / О. Никиенко // Журнальный мир. Начало века. – 2018. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--80alhdjhdxcxhy5hl.xn--p1ai/content/klassik-russkogo-avangarda-boris-pereleshin> (26.12.2024).
9. **Олеша, Ю.** Ни дня без строчки / Ю. Олеша. Зависть; Три толстяка; Воспоминания; Рассказы. – Москва: Эксмо, 2013. – 704 с.
10. **Перелешин, Б.** Заговор Мурман-Памир / Б. Перелешин // Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. – 2013. – № 24. [Электронный ресурс]. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/pereleshin-zagovor/pereleshin-zagovor.html> (30.11.2024).
11. **Петров, Е.** Мой друг Ильф / Е. Петров. – Москва: Текст, 2001. – 351 с.
12. **Расстрельные списки:** Москва, 1937–1941: «Коммунарка», Бутово – 2019. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/pereleshin-boris-nikolaevich/> (24.12.2024).
13. **Саморукова, И.** Дискурс – художественное высказывание – литературное произведение: Типология и структура эстетической деятельности / И. Саморукова. – Самара: Самарский университет, 2002. – 204 с.
14. **Терёхина, В.** Экспрессионизм / В. Терёхина // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – Москва: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
15. **Шпанов, Н.** Война «невидимок» / Н. Шпанов. Война «невидимок». Последняя схватка. – Москва: Вече, 2019. – 320 с.

16. **Щеглов, Ю.** Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя / Ю. Щеглов. – Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. – 656 с.

REFERENCES

1. **Bahtin, M.** Problema rechevyh zhanrov / M. Bahtin // Poetica. – 2004. – URL: https://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (23.12.2024).
2. **Ил'ф, И.** Dvenadcat' stul'ev / I. Il'f, E. Petrov. – Moskva: Tekst, 2006. – 414 s.
3. **Ил'ф, И.** Svetlaya lichnost' / I. Il'f, E. Petrov. 1001 den', ili Novaya SHaherezada. – Moskva: Tekst, 2005. – 397 s.
4. **Kozachinskij, A.** Zelyonyj furgon / A. Kozachinskij // Makarov I. Rejd «Chyornogo zhuka»; Kozachinskij A. Zelyonyj furgon; Kim R. Agent osobogo naznacheniya. – Moskva: Izd-vo MPI, 1990. – 448 s.
5. **Leonov, L.** Petushihinskij prolom / L. Leonov. Sobranie sochinenij. Tom pervyj. Povesti i rasskazy. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1981. – 502 s.
6. **Lur'e, Z.** Istoriya formirovaniya obraza «Rokovoj zhenshchiny» vo francuzskoj kul'ture XIX v. / Z. Lur'e. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-formirovaniya-obraza-rokovoy-zhenschiny-vo-frantsuzskoy-kulture-xix-v> (25.12.2024).
7. **Lur'e, YA.** V krayu nepuganyh idiotov. Kniga ob Il'fe i Petrove / Ya. Lur'e // Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com. – 2005. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://royallib.com/read/lure_yakov/v_krayu_nepuganih_idiotov_kniga_ob_ilfe_i_petrove.html#0 (24.12.2024).
8. **Nikienko, O.** Klassik russkogo avangarda Boris Pereleshin / O. Nikienko // Zhurnal'nyj mir. Nachalo veka. – 2018. – № 4. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/klassik-russkogo-avangarda-boris-pereleshin> (26.12.2024).
9. **Olesha, Yu.** Ni dnya bez strochki / YU. Olesha. Zavist'; Tri tolstyaka; Vospominaniya; Rasskazy. – Moskva: Eksmo, 2013. – 704 s.
10. **Pereleshin, B.** Zagovor Murman-Pamir / B. Pereleshin // Polaris: Puteshestviya, prikladyeniya, fantastika. – 2013. – № 24. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://traumlibrary.ru/book/pereleshin-zagovor/pereleshin-zagovor.html> (30.11.2024).
11. **Petrov, E.** Moj drug Il'f / E. Petrov. – Moskva: Tekst, 2001. – 351 s.
12. **Rasstrel'nye spiski:** Moskva, 1937–1941: “Kommunarka”, Butovo – 2019. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/pereleshin-boris-nikolaevich/> (24.12.2024).
13. **Samorukova, I.** Diskurs – hudozhestvennoe vyskazyvanie – literaturnoe proizvedenie: Tipologiya i struktura esteticheskoy deyatelnosti / I. Samorukova. – Samara: Samarskij universitet, 2002. – 204 s.

14. **Shpanov, N.** Vojna «nevidimok» / N. SHpanov. Vojna «nevidimok». Poslednyaya skhvatka. – Moskva: Veche, 2019. – 320 s.
15. **Shcheglov, Yu.** Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelya / Yu. Shcheglov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. – 656 s.
16. **Teryohina, V.** Ekspressionizm / V. Teryohina // Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij. – Moskva: NPK «Intelvak», 2001. – 1600 s.